

А.В. ГОРДОН

ИСТОРИЗМ ЖЮЛЯ МИШЛЕ

Статья посвящена историософии и методологии Мишле. Отмечается, что переломное время в истории Франции сопровождалось сменой и смешением типов историзма. Историзмы нарративного и нравоучительного типа уступали место позитивистскому детерминизму. Историзм Мишле сочетает выверенную фактологию с элементами целеполагания и обращением к исторической памяти. Историософский холизм и цивилизационный принцип единства многообразия придали его творчеству уникальную целостность, предвосхитившую «тотальную историю» школы «Анналов».

Ключевые слова: Мишле, историзм, Великая французская революция, Французская республика, историография Франции

Творчество Мишле пришлось на время смены и смешения различных типов историзма. Современники восприняли Мишле нравоучителем, обращающимся к «самой сути человека». Лу Виардо, сравнивая первый том «Истории Французской революции» Мишле с книгой Луи Блана, писал: «Книга Мишле не является историей в прямом смысле слова, то есть подробным изложением событий. Это подбор фактов, рассмотренных с высоты птичьего полета, и суждения о прошлом, исполненные советов для будущего: это *нравственный смысл истории*. ... У г. Мишле *подлинное призвание историка*, поскольку, со времен Нагорной проповеди, я думаю, никто лучше него не проповедовал людям о братстве и справедливости [курсив мой – А.Г.]»¹. Здесь показательное сопоставление двух типов историзма, признанных в эпоху, когда начинался творческий путь Мишле: нарративного и нравоучительного, пример которого видели в его сочинениях. Виардо, подобно Тургеневу², отдавал предпочтение второму в сравнении с первым, олицетворяемым для них Луи Бланом. Знаменательно и прочтение Мишле сквозь призму Нагорной проповеди. В нравоучительности его трудов таилось глубокое историософское содержание. Речь шла об истории как творчестве, и оно трактовалось историком в креационистских категориях: «Творец создал человека по своему подобию, то есть – творцом. Человек также творит по своему образу. Будучи сам символом, он создает символы»³.

Между тем эпоха историзма нравоучительно-поучающего, в стиле *historia est magistra vitae*, заканчивалась. Торжествовал историзм позитивистский, и в его торжестве преломлялся дух самого времени. Происходило становление индустриального производства с максимальным отчуждением производителя от продуктов своего труда. Сопутствующей

¹ Звигильский 2010. С. 236-237.

² Там же. С. 239.

³ Sorel 1900. P. II.

отчуждения человеческой личности в ее жизнедеятельности оказывалась объективация исторического процесса, перенос внимания в научном мышлении на «вещную» сторону: «Предмет, действительность, чувственность берется только в форме *объекта*, или в форме *созерцания*, а не как *чувственно-человеческая деятельность*»⁴.

В противоположность позитивизму историзм Мишле фокусировался на значении исторического субъекта, роли людей «как авторов и как действующих лиц их собственной драмы»⁵. И, подобно основоположникам марксизма, которым принадлежат эти слова, историк отпирался от идеалистической философии, последовательно развив параллельно им свой субъектный подход с тем принципиальным отличием, что сосредоточился на духовной сфере и субъектом истории вывел не пролетариат, а Францию как нацию в ее единстве и французский народ в своей целостности. К проблеме субъектности Мишле вышел в постижении единства истории в ее, говоря современным языком, синхроническом и диахроническом измерениях. Его ранние работы «Очерк новой истории» и «Введение во всеобщую историю» проникнуты осознанием «единства рода людского», которое он трактовал как единство человеческой цивилизации. Восприняв эту идею у современных ему философов (Вико, Гердер, Кузен), Мишле материализовал ее, воплотив в ткань истории Франции, Европы, всего мира.

Как историк Мишле хорошо понимал трудности: **если**, чтобы воссоздать «подлинно всеобщую историю (политика, литература, наука, искусство, религия)», взять краткий период, «не будет философской связи», записывал он в своем дневнике в декабре 1825 г. **Если** взять более длительный период, понадобится «огромное произведение»⁶. Чтобы не погрязнуть в деталях, требовалось проникнуть в целостность исторического процесса, для чего Мишле обратился к цивилизационному подходу. В заметке 1826 г. «О единстве истории человеческого рода» Мишле обосновывал направление своего творческого поиска Абсолютом: «Если Бог бесконечен, бесконечно предусмотрителен и мудр, история мира есть система»⁷. Системность мыслилась единством многообразия, основное внимание уделялось взаимодействию системообразующих субъектов. «Как совершался в Европе труд освобождения человеческого рода? – вопрошал Мишле. – В какой пропорции содействовали этому каждый из тех политических субъектов (*personnes*), что называются государствами – Франция и Италия, Англия и Германия?»⁸. Дав характеристику названных «персон» и отметив их вклад на том или ином этапе, Мишле выделял родную страну за универсальность французского гения, способность к творческому заимствованию и бескорыстному прозели-

⁴ Маркс, Энгельс 1966. С. 102.

⁵ Маркс, Энгельс 1955. С. 138.

⁶ Gauchet 1997. P. 835.

⁷ Ibid. P. 837.

⁸ Michelet 1900. P. 35.

тизму. Француз верит, что «не может ничего сделать более полезного миру, чем дать ему свои идеи, нравы и моды»⁹. И это искреннее убеждение, утверждал Мишле, следствие уникального «инстинкта социальности». Французский народ «интересуется состоянием свободы в мире, обеспокоен бедствиями в самых отдаленных местах. Все человечество вибрирует в нем»¹⁰.

Субъектность всемирной истории осмыслялась в категориях мессианского предназначения Франции: «У нашей нации есть два огромных преимущества, какие не встретишь больше нигде: в одно и то же время у нее имеются и принцип, и легенда. В ней зародилась самая великая и гуманная идея, и вместе с тем она обладает наиболее освященными историей традициями. Этот принцип, эта идея, в средние века бывшая глубоко запрятанной под богословскими догматами, называется на простом языке всеобщим братством»¹¹.

В подходе Мишле к истории Франции выделяется органичная для романтизма устремленность к идеальному. «Принцип» именуется по-разному: «Братство», как в данном случае, «Справедливость» – в других. Критикуя тех историков, кто восхищался деятелями 1793 г. в убежденности, что политика «общественного спасения» стала «спасением Франции», Мишле выдвинул с его точки зрения высший принцип – Справедливость. «Спасение – идея негативная». А «никогда еще новая вера не строилась на отрицании». Справедливость – «позитивная, абсолютная, самодостаточная идея». «Более всего могут рассчитывать на Спасение те, кто не желает спастись, поступившись Справедливостью», а те, кто вынудил Революцию низойти от Справедливости к Спасению, помешали тем самым ее превращению в религию»¹².

Высоко, как видим, Мишле ценил и историческую традицию страны. И при всем том его творчество опиралось на выверенную фактологию – документированный анализ исторических событий и разностороннюю характеристику исторических персонажей. При подобной историософии, отражавшей представление о предназначении историка, собственно историзм выступал неизбежно многомерным. И это затрудняет его постижение, поскольку привычная деконструкция здесь недостаточна: при очевидной многомерности историзм Мишле в конечном счете оказывался глубоко целостным.

Родившемуся на пороге нового века Жюлю Мишле (1798–1874) довелось испытать моменты экстатического воодушевления и социальные потрясения, триумф военных побед и национальное унижение. Он стал вдохновенным и исключительно выразительным свидетелем перелома, случившегося во Франции между концом XVIII и концом XIX в. Ему довелось, говоря словами поэта, своим творчеством склеить «двух

⁹ Ibid. P. 72-73.

¹⁰ Ibid. P. 90.

¹¹ Мишле 1965. С. 147.

¹² Michelet 1989. P. 281-303.

столетий позвонки». «Его история Революции была написана изнутри», – отметил Франсуа Фюре. Его погруженность в живую историческую традицию, «его способность проникать в сущность людей и предметов сделала его величайшим из всех до сих пор бывших посредников между Французской революцией и ее бесчисленными детьми»¹³.

Больше чем кто-либо из историков-современников Мишле может считаться слагателем республиканского мифа. Он создал исторический образ страны, с которым рождавшаяся Французская Республика себя идентифицировала. И закономерно его имя осталось запечатленным в формировавшейся в период Третьей республики урбанистической топонимии. До полусотни улиц, площадей, бульваров, набережных французских городов носят имя Мишле. В этом своеобразном национальном рейтинге популярности он опережает многих деятелей культуры первой величины: Декарта, Монтеня, Рабле, Расина, Корнеля, Лафонтена, Руссо, Монтескье, Бальзака, Сент-Экзюпери, Берлиоза, Дебюсси, Лавуазье¹⁴. «Мишле своей историей, как и хотел, воздвиг монумент Республике», – констатировал Фюре. Не Первой и не Второй, а идеалу – Французской Республике, соединяющей принципы национального единства с демократией, основанной на «религии справедливости и братства». И лелеемый Мишле «античный культ гражданского равенства слился с современными представлениями о свободе». Не будучи, по определению Фюре, «ни буржуазным, ни социалистическим», этот идейный сплав символизировал историческую судьбу Франции, который пыталась воплотить Третья республика¹⁵. Сооружая нерукотворный монумент Французской Республике, Мишле одухотворял историю родной страны, которая воспринималась им *Личностью*. А это требовало особого подхода, и Мишле прекрасно понимал, что не может уподобляться коллегам. Если целью исторического исследования, по его словам, «Тьерри видел *повествование (narration)*, а Гизо – *анализ*», Мишле свой метод называл «*воскрешением (resurrection)*»¹⁶.

В исследовательском опыте Мишле сказались особенности его профессионального формирования. «Чувство истории» (его определение) пришло к нему, подобно «чувству Бога», без чьего-либо посредничества, не из учебников, а из жизни. «Самыми сильными детскими впечатлениями, после религиозного, были, – исповедовался он Кине, – вынесенные из посещения Музея французских памятников... Мое воображение проникало в эти гробницы, я не без душевного трепета входил под низкие своды, где покоились Дагобер, Хильперик и Фредегонда, и ощущал присутствие этих мертвецов сквозь прикрывавший их мрамор»¹⁷.

¹³ Critical dictionary 1989. P. 989.

¹⁴ Lieux de mémoire 1987. P. 306–307.

¹⁵ Critical dictionary 1989. P. 988 – 989.

¹⁶ Monod 1894. P. 273.

¹⁷ Мишле 1965. С. 13.

Став во главе исторической секции Национального архива и оказавшись перед массивом рукописных свитков, Мишле проникся в высшей степени благородной задачей вдохнуть в них жизнь. Эти бумаги – «жизнь людей, провинций, народов», которые «протестуют против забвения», – внушал себе начинающий архивист. «Провинции восстают, утверждая, что их по ошибке централизация сочла упраздненными. Ордонансы наших королей претендуют на то, что собрание современных законов не стерло их. Если попытаться выслушать всех... на поле битвы не останется ни одного мертвеца. Все живут и говорят, они окружают автора стоязкой армией, которая решительно вынуждает умолкнуть громкий глас Революции и Империи». И автор, Мишле обещает их выслушать: «Вы все имеете право на историю!»¹⁸.

Стоит отдать должное Альфонсу Олару как историографу. Проведя дотошный анализ «Истории Французской революции», он показал надежность источниковой базы Мишле. Однако, приравнивая установку на *воскрешение* в цитированном фрагменте к привычной для историков процедуре синтеза, упростил его подход. Установка видится развитием присущего Мишле «чувства истории». Да и вводимое «право на историю» было замечательным нововведением субъектного подхода.

Ближе к сути последнего был душеприказчик Мишле, основатель «Ревю историк» Габриель Моно: Благодаря «основательной эрудиции и беспримерной силе и свежести воображения» Мишле удавалось оживить прошлое. «Он не дает нам об исторических событиях окончательного суждения, критического, взвешенного (*prudente*) и точного; он заставляет нас участвовать в них, жить страстями современника. Другие знают и утверждают, он видит и чувствует». Мишле не только чувствовал, но и сочувствовал, не только говорил, но и слышал. «Особенно, – подчеркнул Моно, – ему удавалось благодаря сочувствию наделить голосом анонимные народные массы, страдающих, преследуемых, обездоленных – тех, кто делает историю и к кому она неблагоприятна»¹⁹.

Живописуя жестокую «войну замкам», развернувшуюся в деревне со взятием Бастилии, автор в порыве солидарности с восставшими крестьянами восклицает: «Как ты медлил, великий день! Сколько времени мы ждали и мечтали! Я – их товарищ, трудившийся рядом с ними во мраке истории, пил из их горькой чаши. Пусть мне будет позволено вернуться в их мученическое средневековье и тем не менее остаться живым. Разве ты, прекрасный день, не первый день избавления? Я выжил, чтобы рассказать вам»²⁰. Именно представляя себя свидетелем и даже символическим участником, Мишле начинал писать. Посредством такой, сугубо личностной реконструкции достигалась исключительная проникновенность восприятия прошлого. Он категорически отвергал утверждавшееся вместе с позитивизмом понимание истории как, говоря

¹⁸ Aulard 1928. P. 137.

¹⁹ Monod 1923. P. 220, 273–274.

²⁰ Ibid. P. 239.

его словами, «науки о мертвых событиях». Жизненность воспроизведенной действительности при убедительности воспроизведения становилась для Мишле критерием истинности²¹.

«Воскрешение» Мишле понимал, как задачу историка открыть в фактах прошлого через символы-идеи смысл истории. Такой подход не был принят коллегами из «школы периода Реставрации». Огюстен Тьерри объявил «психомахией» стремление «видеть в каждом факте признак (signe) идеи»²². Он опасался, что подмена социального процесса вчувствованием в него откроет дорогу субъективизму, лишит исторический анализ причинности и законосообразности, в выявлении которых все более усматривали важнейшую задачу историков, свидетельство состоятельности истории как науки. Мишле отчетливо размежевался с Тьерри и его сподвижниками именно в том пункте, который столь высоко оценили основоположники марксизма, разглядев в Тьерри – как создателя образа представленной тем в качестве квинтэссенции всей французской истории «борьбы рас» («германской расы» дворян и «расы галлов» в образе третьего сословия) – «отца классовый борьбы». «Рядом с развитием рас, – утверждал Мишле в учебном курсе 1828–1829 г., – следует поместить другой [принцип]... развитие идей, в котором проявляется свободная деятельность человека... Раса удерживает нас на земле, однако в нас содержится движущая сила, благодаря которой мы продавливаем (imprimons) движение истории». Сами законы общественного развития изменяются, поскольку изменяется общество, которое, подобно индивиду, способно к бесконечному самосовершенствованию. «Фатализм рас» не учитывает, считал Мишле, «труд общества над самим собой», благодаря которому «расовый элемент становился все более вторичным, все более подчиненным»²³.

В полемике с направлением Тьерри Мишле сформулировал принципы своего историзма, которые он противопоставлял любому виду детерминизма «одной причины». Он упрекал Тьерри и его школу в том, что, сосредоточиваясь на политической истории, они упускают из виду культуру, и в том, что возвращаются к предшественникам, которые не вникали во «внутреннюю жизнь» общества²⁴. В XX в. французская историография оценила позицию Мишле в этом споре.

Направление «Анналов», утверждал Пьер Нора, сочло Мишле с его «глубоким проникновением в прошлое», способностью «услышать безмолвие истории», стремлением к синтезу, пристальным вниманием к человеку своим предшественником в продвижении к «тотальной истории», «охватывающей и материальную, и духовную составляющие»²⁵. Марк Блок цитировал Мишле: «Если бы я держался в изложении только

²¹ Monod 1894. P. 237, 296.

²² Gauchet 1997. P. 816.

²³ Ibid. P. 842.

²⁴ Ibid. P. 841.

²⁵ Nora 2018.

политической истории, если бы не учитывал различные элементы истории (религию, право, географию, литературу, искусство и т.д.), моя манера была бы совсем иной. Но мне надо было охватить великое жизненное движение» в «единстве повествования». Пожалуй, «единство повествования» – ключевые слова. Основатель направления «Анналов» высоко оценивал такой подход: «Знание фрагментов, изученных по отдельности один за другим, никогда не приведет к познанию целого»²⁶.

Методологическому редукционизму, восторжествовавшему в историографии вместе с позитивизмом, Мишле противопоставлял мировоззренческий холизм, значение всей целокупности факторов человеческого бытия. Однако достижение подобной целостности в историческом повествовании дело чрезвычайно непростое и в историописании Мишле оказывалось во многом спонтанным. По словам Блока, Мишле принадлежал к тем историкам, которые «скорее связывают великое “жизненное движение” в одну цепь, нежели объясняют его в логической форме»²⁷. Целостность исторического процесса в его трудах возникала как бы самопроизвольно, в «единстве повествования». Вносимая Мишле в историописание, она подвергалась испытанию темпоральностью, целеполагание растворялось в «ходе вещей», представленном чередой событий.

Нить Ариадны, следующих во временной последовательности фактов и ситуационная логика видятся движущей силой повествования в исторических произведениях Мишле, что и выражалось в спонтанности его нарратива. Как он писал, «мы оценивали поступки по мере того, как они происходили, день за днем, час за часом». Или: «Мы старались показать людям и события во времени, отмечая происходившие в них перемены. Мы не раз повторяли слова, в которых выражена основная идея нашей книги: *История – это время*». Мишле бросал вызов диктату ретроспекции: «Забывчивый и беспощадный критик слишком часто осуждает похвальное начало пути, ибо знает и заранее предрекает его конец. Но мы его знать не желаем; что бы этот человек ни сделал завтра, мы не преминем отметить добро, совершенное им сегодня». Мишле избегал давать обобщенные характеристики исторических персонажей. Законченному портрету он противопоставлял «мгновенный сколок», «проекцию персонажа в тот или иной момент», что позволяло «хвалить тех, кого позже приходилось порицать». При таком подходе общую оценку заменяла серия «сколков»²⁸. Стремясь извлечь уроки революционного опыта и будучи погружен в непрекращавшуюся борьбу вокруг революционного наследия, Мишле терзался противоречиями: как совместить человеческое сочувствие, гражданскую пристрастность и профессиональную объективность? Выбором сделался фактор времени.

Мишле отдавал себе отчет в роковом стечении обстоятельств, приведшем многих революционных деятелей к безвременной гибели. Все

²⁶ Блок 1973. С. 84-85.

²⁷ Там же. С. 102.

²⁸ Michelet 1989. P. 281-303.

это, он понимал, требовало снисхождения: «им выпало жить в беспрецедентную, грозную эпоху, за которую истекли целые столетия; события сменяли друг друга стремительно, без перехода». Расходясь с Бюше и Ру, Луи Бланом или Жоресом в оценке якобинской диктатуры и лидеров якобинцев, критически оценивая роль выдающихся деятелей Революции вообще, Мишле, тем не менее, стремился «найти для каждого смягчающие обстоятельства и, какая бы вина ни лежала на нем, сказать: *Он тоже был человеком*». Уместно ли говорить о двойном сознании? По натуре Мишле был исключительно цельной личностью, и при оценке этих видимых противоречий я бы вернулся к многомерности его историзма. «Мы, – писал Мишле – верим, что Господь был к ним милостив и многое простил им. Но историк – не Бог, и всепрощение – не в его власти. Описывая прошлое, он не вправе забывать, что будущее неизменно станет искать в нем примеры для подражания. Это не позволяет нам в наших суждениях всегда следовать велению сердца»²⁹.

Политическая борьба подталкивала Мишле к критическому восприятию прошлого, воздействовала на общую оценку целых периодов французской истории. В начале творческого пути романтику, само «чувство истории» которого пробудилось под впечатлением средневековых памятников, была свойственна поэтизация эпохи. *Мудро, трогательно, благоговейно*³⁰, по Лу Виардо, писал он о ней. Однако в борьбе с клерикально-монархической реакцией из-под его пера выписались горькие строки: «Средним векам, которым я посвятил свою жизнь, чье трогательное, но бессильное вдохновение я воспроизводил в своих исторических трудах, я должен сказать: “Назад! Ведь теперь нечестные руки вытаскивают их из могилы и кладут нам под ноги, словно камень, чтобы заставить нас споткнуться на нашем пути к будущему”»³¹.

Еще сильнее, чем политическая пристрастность, сказалась духовная драма погружения в кровопролитные междоусобия, деяния инквизиции и придворные интриги: «Люди, которых он, передвигаясь во времени и переходя из XIII века в XIV, из XIV в XV век, встречал на своем пути, – он не мог принять их душой. Он страдал от этого – в своей страстной потребности любить прошлое, которое он воскрешал». И, заклеив Средневековье как «причудливый и чудовищный порядок, фантастически искусственный», Мишле, по слову Февра, «казнит» его. Повлияло ли это на историописание? При всей пристрастности, отношение Мишле к Средним векам, признавал Февр, оставалось историчным: даже к XV в., который особенно тяжело давался ему – «с трезвой головой и отвращением в сердце», Людовик XI – «шедевр историка», подобно очерку о Жанне д'Арк³². В самих недрах Средневековья Мишле находил нечто нетленное, чем как сын Франции по-человечески продолжал

²⁹ Ibidem.

³⁰ Звигильский 2010. С. 236-237.

³¹ Мишле 1965. С. 163.

³² Февр 1991. С. 377-387.

дорожить. Образ Жанны выполнял для него «функцию матрицы»³³, справедливо пишет современный историограф. Мишле хотел, чтобы такой видели старую Францию и чтобы такой стала новая Франция: «Пусть новая Франция не забудет завета старой: “Только великие души понимают, как славно *быть добродетельным (être bon!)*”. Быть и оставаться, несмотря на людскую несправедливость и суровость Провидения... Сохранять мягкость и доброжелательность в столь жестких раздорах... Те, кто следует этому и идет до конца, являются поистине избранныками»³⁴. Отстаивая величие Франции через призму непреходящей национальной традиции, Мишле не исключал Средние века. Напротив, средневековая история страны в его мировосприятии становилась необходимым звеном национально-культурного универсализма, воплощавшего общечеловеческие ценности. «Связывая Цезаря с Карлом Великим и Людовиком Святым, Людовика XIV – с Наполеоном», эта традиция сделала историю Франции «историей человечества». История страны, утверждал Мишле, «увекочила в различных формах общечеловеческий идеал от Людовика Святого – до Жанны д'Арк и от нее – до молодых генералов нашей Революции»³⁵.

Противоречие? Скорее – разносторонность. Аналогично в отношении к Революции. До Жореса и в духе своей историософии Мишле описал парадокс, который автор «Социалистической истории» Французской революции выразил лаконичной формулой «варварская форма прогресса»³⁶. Амбивалентность Мишле в оценке Революции и ее деятелей отражала и выражала противоречивость самой Революции. «Человечная и благодушная эпоха», и, одновременно (в терминах Мишле), «эпоха насилия, кровавых актов». Огюст Кошен напрасно иронизировал, что Мишле «храбро делает народ героем своей книги»³⁷. От историка-демократа требовалось подлинное мужество, чтобы, сохраняя веру в революционный народ, раскрывать фактическую канву событий. Героическое и трагическое представляло две стороны происходившего, и участие в Революции парижского люда оказывалось у Мишле повествованием о «великих трагедиях революционного Парижа».

Современная Мишле либеральная историография Французской революции, подчеркивая благотворность революционных преобразований, стремилась закрыть глаза на сопутствовавшие им акты массового насилия, консервативная (например, Ипполит Тэн) живописала последние. Мишле, оставаясь верным революционной традиции, вскрывал в фактах действительности трагизм революционной эпохи.

Жорж Батай указал на один из парадоксов природы и творчества Мишле. Его вера в неотвратимость прогресса, в правду и справедли-

³³ Винок 1999. С. 236.

³⁴ Michelet s.d. P. 798.

³⁵ Мишле 1965. С. 148.

³⁶ Жорес 1983. С. 260.

³⁷ Кошен 2004. С. 122—123.

вость в XX в. кажется наивной. Но он не уклонялся от погружения в мрачные глубины человеческого бытия, в исследование самой природы Зла. Батай приводил пример «Колдуньи»³⁸. Современный историк по тому же поводу восклицает: «Это кошмар!». При том Мишле «дерзко показал полезную и спасительную роль ведовства в Средних веках»³⁹.

Еще более поучительно его исследование перипетий Революции. «Я занят очень трудным делом – мне нужно еще раз пережить, проделать, перестрадать Революцию. Я только что прошел через Сентябрь и все смертные муки; меня убивали в Аббатстве, а потом я шел в Революционный трибунал, то есть на гильотину»⁴⁰, – писал он в частном письме в сентябре 1849 г. Тяжелейшим испытанием для историка было избиение заключенных в тюрьмах осенью 1792 г. Наряду с Террором и как его предзнаменование, эти события заняли исключительное место в историографии, сделавшись камнем преткновения для левых, привилегированным моментом для обличения Революции со стороны правых.

Подход Мишле отличается на этом фоне глубокой прочувванностью при отстраненности от партийных пристрастий. Объясняя поведение парижан, он выявлял архетипы массового сознания, описывая убийства, подчеркивал сходство восприятия грозящей опасности с событиями далекого прошлого: «В измученных ужасом умах возникали образы, достойные великих и мрачных поэтов Средневековья». Вместе со слухами о сдаче вследствие предательства пограничных крепостей возникло «жуткое ощущение падения в бездну». Как и во времена вторжений варваров или Столетней войны, парижанам чудилось приближение «воинства Божьего, и с ним Страшный Суд». Угрожающий манифест командующего коалиционными войсками герцога Брауншвейгского не оставлял сомнений⁴¹. Помимо ненависти, рожденной ситуацией, толпой двигали, по Мишле, глубинные инстинкты: «К убийству подталкивала и еще одна идея, варварская, ребяческая, не раз возникавшая на заре народов, в эпоху Античности – идея великого и радикального морального очищения, надежда оздоровить мир, полностью истребив зло». Слабо до сих пор разработанный в историографии Революции, тем не менее фундаментальный архетип массового сознания!

Отмечая роль Мишле как транслятора революционной традиции, Фюре обратил внимание на то, что в отличие от поздних историков Революции тому не потребовалось особого «вживания». «Он был в непосредственном контакте с Революцией» через рассказы отца-якобинца и все свое окружение. Интенсивные прогулки по Парижу, сохранявшему в неприкосновенности исчезнувшие впоследствии памятники эпохи (Тюильри, Манеж, монастыри якобинцев и кордельеров), посещение уличных театров, запечатлевших «тени блестящего поколения и их чув-

³⁸ Bataille 1946.

³⁹ Nora 2018.

⁴⁰ Февр 1991. С. 383.

⁴¹ Michelet 1989. P. 1015-1034.

ства», богатая и еще живая в начале XIX в. устная традиция помогли Мишле воссоздать внутреннюю динамику событий через совокупность образов их безвестных участников, объединенных понятием «народ»⁴².

«Мы, – писал Мишле, – отнюдь не пренебрегали книжными знаниями, и, если книги молчали, искали и находили множество сведений в рукописных источниках; и тем не менее, в том, что касалось нравственного смысла событий, мы прежде всего обращались к устной традиции». Устная традиция для Мишле – бесконечно больше, чем исторический источник. То было мнение нации, которым он полагал непременно руководствоваться, голос народа, к которому необходимо прислушиваться. Критикуя коллег, он развивал понимание устной традиции как народной памяти, которая при надлежащем подходе может способствовать осознанию смысла происходивших событий и значения того или иного деятеля. При этом он работал с устной традицией исследовательски профессионально, отмечая ее ограниченность, поскольку народная память зачастую оборачивается «своеобразным историческим катехизисом»: «Кто вызвал Революцию? Вольтер и Руссо. Кто погубил короля? Королева. Кто начал Революцию? Мирабо. Кто был врагом Революции? Питт и Кобург, шуаны и Кобленц. А кто еще? Англичане и попы. Кто оказал Революции медвежью услугу? Марат и Робеспьер»⁴³.

Вопреки преданию с его тяготением к оценке-приговору историк, по Мишле, должен рассматривать исторического деятеля в многосторонности качеств и их развитии: «Сколько человек в одном человеке! Несправедливо было бы отливать образ этого изменчивого создания в вечную, раз и навсегда заданную форму». Предание «приукрашено легендами», а легенды – «иная история». Это не ложь, народ выражает в них то, что «увидел сердцем». Тем не менее историку следует «убрать эти украшения»⁴⁴. Выходит, есть правота предания и есть правда фактов. Не противопоставляя одну другой, Мишле их явственно различал.

Интересом к устной традиции Мишле принципиально отличался и от «эрудитов» прошлого, и от восторжествовавшей в последней трети XIX в. «методической школы», которые ограничивали круг источников письменными документами. Ш. Ланглуа утверждал: «Подлинная роль историка заключается в том, чтобы обеспечить контакт нынешних людей с оригинальными документами, представляющими следы, которые оставили люди прошлого, без добавления в них чего-нибудь от себя»⁴⁵.

Основатели «Анналов» были верны внедрявшейся «методистами» «этике установления фактов», называя ее «законом честности» (Блок), под которым понималась обязанность историка «не выдвигать никаких положений, которые нельзя было бы проверить»⁴⁶. А Февр подчеркивал

⁴² Critical dictionary 1989. P. 989.

⁴³ Michelet 1989. P. 281-303.

⁴⁴ Ibidem.

⁴⁵ Keylor 1975. P. 178.

⁴⁶ Блок 1957. С. 38.

положительные стороны формулы «история пишется по документам»: «Честным труженикам, законно гордящимся своей эрудицией, она служила паролем и боевым кличем в сражениях с легковесными, кое-как состряпанными опусами»⁴⁷. При этом Блок и Февр отмечали издержки фетишизации документа, им вспоминалась «излюбленная антитеза Мишле»: история «должна быть все более и более отважной исследовательницей ушедших эпох, а не вечной и неразвивающейся воспитанницей их “хроник”»⁴⁸. В фокусе историзма «методической школы» был Текст, совокупность текстов в виде письменных источников. Считалось возможным свести основы научного метода «к очень точным формулам», и одна из них гласила: «Тексты, только тексты, ничего кроме текстов»⁴⁹. Этот принцип разделял Эрнест Лависс, руководитель многотомного издания, ставшего основой исторического образования в Третьей республике: по его словам, историка следует считать «филологом в широком смысле слова», иначе говоря, ученым, работающим с текстами⁵⁰.

Установка Мишле: «история – это прежде всего география»⁵¹. Его историзм символизировало Пространство в своей многомерности. Сближение истории с географией, органичное для французского историознания (вспомним, особенность французской системы образования было соединение истории с географией в общих курсах), приобретало в его сочинениях историкоисследовательское и методологическое значение. Как заметил Ж. Нива, Мишле отличался от классических представителей романтизма с их эстетизацией пейзажа. У Мишле пространство обретает культурно-исторический смысл: ощущение «национального пространства» становится истоком формирования национальной идентичности⁵². «Историю Франции» Мишле нельзя понять без обращения к исторической географии, которой он уделил особое внимание, исходя из представления об укорененности нации в своей «почве» (в буквальном и широком смысле слова). Глава «Картина Франции» из второго тома – органичная часть сказания об истории страны, повествующая, «откуда есть пошла» французская нация. По пронизательному замечанию Ле Гоффа, Мишле поместил «Картину Франции» не в самое начало истории Франции, которое было принято отсчитывать с античности, но в раздел, посвященный эпохе вокруг 1000 года, когда складывается первая национальная династия, коей признаются Капетинги. В результате «Картина Франции» не сводится к «банальной увертюре из данных физической географии, во все времена оказывающих влияние на историю»; но является «начальным этапом истории французской нации»⁵³. О том же другими словами писал Ролан Барт, посвятивший свое оригинальное исследование

⁴⁷ Февр 1991. С. 11.

⁴⁸ Блок 1973. С. 37.

⁴⁹ Ланглуа, Сеньобос 2004. С. 44, 166.

⁵⁰ Keylor 1975. P. 178.

⁵¹ Michelet 1962. P. 3.

⁵² См.: Нива 1999.

⁵³ Гордон 2013. С. 125-131; Ле Гофф 2000. С. 19-20.

дование семиотике творчества и личности Мишле: «Сводная картина Франции, которая дается обычно в качестве географического обзора-предисловия», у Мишле «выступает... методичной описью компонентов», понадобившихся для «выработки французской общности»⁵⁴.

Мысль автора «Картины Франции» исключительно глубока в буквальном смысле, пронзая века и тысячелетия: «компоненты» французской нации – исторические регионы, образованные из «феодальных суверенитетов», государственных или квазигосударственных образований средневековой поры, а те, в свою очередь, зафиксировали чересполосицу волн великого переселения народов, оседавших на территории, которая стала Францией. Сосредоточенный всем своим мировоззрением и историческим творчеством на национальном единстве, Мишле не пожертвовал культурным своеобразием. «Личность» Франции на наших глазах слагается из множества «лиц», поскольку каждая провинция под пером Мишле обретает свое лицо. Начиная с местоположения, рельефа местности, плодородия (или неплодородия) почвы, историк переходит к характеристике населения, его нрава и обычаев, занятий и достатка, литературы и искусства. Мишле прекрасно знал, что каждая из частей Франции не только имеет особую историю, но и «рассказывает ее по-своему». И ему, следуя установке «вы все имеете право на историю», приходилось вбирать местную традицию с ее верованиями, легендами, преданием, чем пренебрегли историки XX в., того века, что стал краем забвения для них. Одновременно Мишле должен был сложить из нарративов «малой родины» историю Отечества. Поэтому в его «Картине Франции» два пересекающихся семантических плана – своеобразие каждой из провинций и ее место в национальном нарративе, определяющееся отношением к политическому центру. Многообразная культурно-историческая традиция – предмет «Картины Франции». В этом многоголосье громче всех звучит голос столицы: объект центростремительных сил регионов – главный субъект процесса, сформировавшего нацию. Подобно тому как история Франции в мировосприятии Мишле воплощает всемирную историю, Париж с Иль-де-Франс «резюмируют» историю и культуру Франции»⁵⁵. К настоящему времени, отметил Нора, Мишле стал во Франции олицетворением историка «с большой буквы и во всем величии»: «Не за свои научные достижения, а внутренней связью своей биографии и личности (*fusion charnelle de son aventure biographique et de sa personnalité intime*) с историей Францией», ибо, как говорил сам Мишле, он первым увидел Францию «как душу и как личность»⁵⁶.

Мне бы хотелось устранить в заключении классика исторической памяти вкравшееся противопоставление. Научным достижением и явилось проникновение в «душу и личность» Франции, чему способствовала связь биографии и личности Мишле с историей родной страны.

⁵⁴ Французская школа 2018.

⁵⁵ Michelet 1962. P. 63.

⁵⁶ Nora 2018.

Соглашусь с теми французскими историками, кто считает современную популярность Мишле выражением общей динамики французской культуры⁵⁷. Можно различить и научную составляющую. Если авторитет историка устоял в темпераментных атаках слева и поношении справа, при неприятии со стороны блюстителей «строгого историзма» и «чистой науки», очевидно в его творчестве содержалось то самое рациональное зерно, которое проросло в современном историческом знании.

В исторических трудах последнего времени все более заметен акцент на проблемы национально-культурной идентичности. Мишле со своим цивилизационным подходом, стремлением вобрать в историописание родной страны всю ее многообразную историческую традицию и провозгласивший для всех персонажей близкого и далекого прошлого «право на историю», оказывается на первом плане.

Существует особая грань пиетета направления «Анналов» к Мишле. Для Блока Мишле был одним из «великих наставников», которые научили понимать, что «предметом истории является человек». И классикам «Анналов» пришлось, подобно Мишле, отстаивать свой метод в борьбе с обезличенным и дегуманизированным историописанием⁵⁸. Думается, такое признание можно считать свидетельством по меньшей мере созвучия творчества Мишле тому, что получило название «антропологического поворота» в исторической науке. Очевидно, современное историознание, во всяком случае во Франции, начиная с книг Ж. Дюби о Бувинском сражении (1973), Ф. Жутара о камизарах (1977) и достигнув апогея в «Местах памяти» коллектива П. Нора (1984–1992), освоило пространство исторической памяти, тем самым придав историзму дисциплинарных трудов многомерность, побуждающую вспомнить о Мишле⁵⁹. Идея прогресса, вобравшая в себя пафос Просвещения, несмотря на катастрофы XX в. и постмодернистские девиации, удержалась, утратив свою прямолинейность и обретя трагическую напряженность. И никто иной, как Мишле стал одним из провозвестников его глубинных противоречий.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Блок М. Характерные черты французской аграрной истории. М.: Иностр. литература, 1957. 353 с. [Blok M. Kharakternye cherty frantsuzkoi agrarnoi istorii. M., 1957. 353 s.]
- Блок М. Апология истории или ремесло историка. М.: Наука, 1973. 232 с. [Blok M. Apologia istorii ili remeslo istorika. M.: Nauka, 1973. 232 s.]
- Винок М. Жанна д'Арк // Франция – память. СПб., Изд-во С.-Петерб. ун-та, 1999. 328 с. [Vinok M. Zhanna d'Ark // Frantsiia-pamiat'. SPb., Izd-vo S-Peterb. un-ta, 1999. 328 s.]
- Гордон А.В. Историческая традиция Франции. М.: Контент-пресс, 2013. 368 с. [Gordon A.V. Istoricheskaiia traditsiia Frantsii. M. Kontent-press, 2013. 368 s.]
- Жорес Ж. Социалистическая история Французской революции Т. VI. М.: Прогресс, 1983. 535 с. [Zhores Zh. Sotsialisticheskaiia istoriia Frantsuzkoi revoliutsii. T. VI. M., 1983. 535 s.]
- Звигильский А. Иван Тургенев и Франция. М.: Русский путь, 2010. 336 с. [Zvigil'skii A. Ivan Turgenev i Frantsiia. M. Russkii put', 2010. 336 s.]

⁵⁷ Encyclopédie Larousse.

⁵⁸ Блок 1973. С. 18

⁵⁹ См.: Событие и время 2018. С. 55-84.

- Кошен О. Малый народ и революция. М.: Айрис-Пресс, 2004. 288 с. [Koshen O. Malyy narod i revolyutsiya. M. Airis-press, 2004. 288 s.]
- Ланглуа Ш.-В., Сеньобос Ш. Введение в изучение истории. М.: ГПИВ, 2004. 305 с. [Langlue Sh.V., Sen'obos Sh. Vvedenie v izuchenie istorii. M. GPIV, 2004. 305 s.]
- Ле Гофф Ж. Другое Средневековье. Екатеринбург: Изд-во Уральск. ун-та, 2000. 328 с. [Le Goff Zh. Drugoye Srednevekov'ye. Ekaterinburg: Izdatel'stvo Ural'skogo un-ta, 2000. 328 s.]
- Маркс К., Энгельс Ф. Фейербах. Противоположность материалистического и идеалистического воззрений. М.: Госполитиздат, 1966. С. 102. [Marks K., Engel's F. Feiebakh. Protivopolozhnost' materialisticheskogo i idealisticheskogo vozzrenii. M., 1966. S. 102]
- Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Изд. 2. Т. 4. М.: Госполитиздат, 1955. С. 138 [Marks K., Engel's F. Sochineniia. Isdanie 2, T. 4. M. Gospolitizdat, 1955. S. 138]
- Мишле Ж. Народ / подг. Дмитриев В.Г., Коган-Бернштейн Ф.А. М.: Наука, 1965. 208 с. [Mishle Zh. Narod / Dmitriev V.G., Kogan-Bernstein F.A. M. Nauka, 1965. 208 s.]
- Нива Ж. Возвращение в Европу: Статьи о русской литературе. М.: Высшая школа, 1999. 304 с. [Niva Zh. Vozvrashchenie v Evropu: Stat'i o russkoi literature. M., 1999. 304 s.]
- Событие и время в европейской исторической культуре XVI-XXI вв. / Под ред. Л.П. Репиной. М.: Аквилон, 2018. 512 с. [Sobytiye i vremia v evropeiskoi istoricheskoi kul'ture XVI-XXI vv. / red. L.P. Repina. M. Akvilon, 2018. 512 s.]
- Февр Л. Бои за историю. М.: Наука, 1991. 635 с. [Fevr L. Boi za istoriiu. M. Nauka, 1991. 635 s.]
- Французская школа. 1 вып. [Frantsuzskaia shkola. 1 v.] // <https://hist-geo.livejournal.com/8054.html>
- Aulard A. Michelet historien de la Révolution française // Révolution française: Revue d'histoire moderne et contemporaine. T. 81. 1928. P. 136-150, 193-213.
- Bataille G. Le Maléfice. Préf. de La Sorcière de Jules Michelet. P.: Les Edit. des Quatre Vents, 1946. Critical Dictionary of the French Revolution / Furet F., Ozouf M. L.: Harvard U.P., 1989. 1120 p. Encyclopédie Larousse en ligne Jules Michelet. URL: https://www.larousse.fr/encyclopedie/personnage/Jules_Michelet/133087
- Gauchet M. Les "Lettres sur l'histoire de France" d'Augustin Thierry: «L'alliance austère du patriotisme et de la science» // Les lieux de mémoire / P. Nora. T. 2: La Nation. P.: Gallimard, 1997. P. 816-842.
- Joutard Ph. La légende de camisards, une sensibilité au passé. Paris: Gallimard, 1977. 442 p.
- Keylor W.R. Academy and community: The foundation of the French historical profession. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1975. 352 p.
- Lieux de mémoire /P.Nora, ed. T. 2. Paris: Gallimard, 1987. P. 306-307.
- Michelet J. Histoire et philosophie. Paris: Flammarion, 1900. Var pag.
- Michelet J. Histoire de France. T. 1. Paris : J.Rouff, s.d. P. 798.
- Michelet J. Histoire de la Révolution française. Vol.1. P.: Gallimard, 1989. P. 281-303, 1015-1034.
- Michelet J. Tableau de la France (1861). Paris: Armand Colin, 1962. 67 p.
- Monod G. Renan, Taine, Michelet: Les maitres de l'histoire. Paris : Calmann Levy, 1894. 313 p.
- Monod G. La vie et la pensée de Jules Michelet. T. 2. Paris : Champion, 1923. 262 p.
- Nora P. Michelet, le grand incarcenateur. URL: <http://www.lefigaro.fr/livres/2008/03/06/03005-20080306ARTFIG00496-michelet-le-grand-incarcenateur-.php>
- Sorel A. Étude par Albert Sorel // Michelet J. Histoire et philosophie. P.: Flammarion, 1900. P. II.

Гордон Александр Владимирович, доктор исторических наук, главный научный сотрудник, ИНИОН РАН; gordon_aleksandr@mail.ru

Historicism of Jules Michelet

The article presents an analysis of the historiography and methodology of Michelet's research. It is emphasized that the turbulence in historical development was accompanied by changes in the theory of historicism from narrativism and moralizing to positivistic determinism. Michelet has a special place. His historicism can be called multidimensional, as it combined verified factology with teleological elements and addressing of historical memory. Historiographic holism and civilizational unity of diverse historical forms gave Michelet's work a unique integrity that anticipated the "total history" of the "Annals School".

Keywords: Michelet, historicism, French revolution, French Republic, French historical studies
Alexander Gordon Dr. Sc. (History), chief research fellow, Institute of scientific information of social sciences, Russian Academy of Sciences; gordon_aleksandr@mail.ru